

НИКОЛАЙ ЯРЕМЕНКО

ЛЮБОВЬ
КОВИДНОЙ
ЭПОХИ

РАССКАЗЫ

16+

Николай Яременко

Любовь ковидной эпохи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56816706

SelfPub; 2020

Аннотация

Ещё никогда наше общество не сталкивалось с таким испытанием – глобальная самоизоляция. Каким испытаниям подвергается внутренний мир каждого из нас, когда мы вырваны из привычных социальных связей, какими причудливыми смыслами начинает наполняться наш внутренний мир и как избежать при этом внутреннего дискомфорта – в трёх рассказах известного журналиста и публициста. Ещё одно произведение – эссе «Тридцать лет без Венички» – уносит нас в 1990 год, когда не стало автора бессмертной поэмы «Москва – Петушки». Миниатюра, как принято говорить сегодня, вышла очень атмосферная: она словно окунает нас в то время, когда подлинная литература, без тени пропаганды и наносных наслоений, овладевала умами молодых людей, которым искренне казалось, что будущее – как у классика – светло и прекрасно.

Женщина для карантина

Он слил воду из кастрюли в раковину, аккуратно придерживая рукой свёклу. Словно кровь, бьющая из красных фонтанов на Поклонной горе, зажурчала окрашенная вода.

Натереть свёклу, чтобы перемешать её с майонезом и сделать салат – это второе и последнее из всех возможных блюд, которое он умел делать. Первое, как у любого другого мужчины – это яичница. Дальше у всех обычно идёт список разной длины, но у него он обрывался довольно быстро. Мама всегда в детстве говорила: «Сашенька, твоя работа – это учёба!» Делала котлетки и прочие вкусные разности сама. Детство сменилось студенчеством, а оно как-то само собой перетекло в женитьбу. У мальчиков домашних ведь так бывает: чтобы решиться на побег из любящего родительского дома, надо жениться. Поэтому готовить так и не пришлось научиться.

Избитая шутка, что детство у мальчиков до 40 лет протекает трудно, известна многим. И точно так же известно, что после 40 лет не так уж и многое-то меняется.

Но вот к его сорока с хвостиком случилось с ним серьёзное потрясение. Можно сказать, социальное испытание. Такое же, как у многих, впрочем. Всех заперли на карантин. Китайцы что-то там намудрили близ Уханьки, и все стали стремительно кашлять и умирать в разных частях планеты.

Жена, временно отлучившаяся по контракту в соседнюю страну, подселила перед самым отъездом к нему свою маму:
– У тебя много работы. Вот она тебе готовить будет, и вообще...

Что означало «вообще», в каждой семье значит, наверное, что-то своё, но чаще всего это было расхожим синонимом хлёсткой и убийственной мысли – «чтоб баб не водил».

Как будто их водить нельзя куда-то в иное место. Но кто же мог представить, что случится эпидемия, а вместе с ней и карантин. Жена продолжала работать по контракту и даже на пару дней не могла прилететь – границы закрыты, повсеместная самоизоляция и другие новые слова.

Тёща была старушкой беззлобной, но уже настойчиво и магистрально впадающей в детство. Любопытство переполняло её до самых краёв. Если приходилось говорить по телефону (а работа на «дистанционке» становилась реально какой-то бесконечной), то рядом с закрытой дверью обязательно скрипела паркетинка: тёща слушала. Не то чтобы ей хотелось на чём-то поймать зятя – нет, просто надо же хоть чем-то жить, хоть какими-то новостями, а по радио – только про эпидемию и больше нет ровным счетом ничего.

Иногда любопытство так переполняло её, что она даже напрямую спрашивала:

– Я случайно слышала, как ты сказал по телефону...

– Случайно?

– Да, шла в туалет из своей комнаты. Задумалась о чём-то,

остановилась, а тут слышу... – и дальше следовал пересказ, свидетельствующий о том, что остановиться и задуматься у двери пришлось на добрую четверть часа.

Шли недели на самоизоляции. Жизнь становилась совсем невыносима. Одного боялась тёща, просто патологически боялась – заболеть новомодной инфекцией. Когда Саша выносил мешок в мусоропровод у лифта, стремительно пряталась в своей комнате – вдруг вирус залетит? Разумеется, сразу же к ней рванёт! Это были недолгие счастливые моменты, когда она не лезла во всё. Час-другой тишины и покоя.

Этим-то он и решил воспользоваться.

– Ирина Петровна, сегодня врач придёт...

– Какой врач? – испуганно попятилась она от зятя, уже хватаясь за ручку своей двери. – Ты заболел? – и сделала ещё один шаг назад.

– Нет, это начальство по всем сотрудникам посылает врача, чтобы взять тесты на заболевание.

– О, так может, и у меня тогда пусть возьмут? – глаза тёщи загорелись. – Это бесплатно? – Возможность любой халавы, даже медицинской, всегда приводила её в радостное возбуждение.

– Вы что? Она же по всем квартирам ездит, всех сотрудников объезжает, – начал он красиво петь, понимая, что тёщин страх заразиться окажется всё-таки выше страсти к халаве, и попутно размышляя про себя, что слово «объезжает» подходит скорее к теме лошадей. Врач, пожалуй, обхо-

дит пациентов, но как сказать, если он перемещается между ними на транспорте?

Довод, в любом случае, сработал. Тёща рванула к себе. И чтобы довершить начатое, Саша чуть громче обычного сказал через дверь:

– Ирина Петровна, имейте в виду: тестов может быть много – тут и кровь, и мазок, еще и температуру могут мерить. Давление и всё такое... Так что даже к двери подходить будет опасно. Поберегите себя.

Весь визит изголодавшейся по его ласке за два месяца карантина рыжеволосой коллеги тёща испуганно провела за своей дверью. Но когда «доктор» оделась и оказалась в прихожей, все-таки высунула голову и, не снижая почтительной дистанции, спросила:

– Доктор, ну что там у него? Мне с ним не страшно дальше тут находиться?

– Ничего страшного. Но через два-три дня надо будет мне прийти и сделать контрольный тест. Вот тогда будет точно очень опасно. Если нет возможности никуда уехать, то с раннего утра надо запереться и не выходить – тестов я привезу больше, – и недвусмысленно посмотрела на Сашу.

Раскарантинился

Опасения заболеть новым вирусом сильно ударили даже не по его привычкам (постоянно мыть руки, брызгать ан-

тисептиком, принесённые курьерами продукты оставлять в прихожей на сутки – «на карантин»), а по мировосприятию. Как только на различных сайтах стали появляться таблицы с числом заболевших, а потом и карты, показывающие, в каких домах проживают больные, он на всё сразу же подписывался. Собственно, поначалу вся страна смотрела ежедневно эти таблицы. Было нечто похожее на олимпийский медальный зачет: мы пока отстаём, но скоро должны стрелять наши биатлонисты... Впрочем, он шёл дальше: каждое утро, ещё лёжа в кровати, начинал с просмотра на телефоне всех этих цифр, и только потом отправлялся на кухню, чтобы организовать себе завтрак.

Происходило это действие обычно под разные попсовые песенки, которые послушно предлагал ему ютьюб. Но и тут его подстерегали сплошь страхи и печальные мысли. Даже привычные хиты выпукло играли совсем иными акцентами. Ещё не так давно из песни «Сибирские морозы» ухо цеплялось за строчки про чужую женщину и про истерзанное сердце, но теперь Владимир Кузьмин уже честно признавался в тяжести протекания болезни: «В поту холодном просыпаюсь – боль в груди...» Какое предвидение! Двадцать лет назад написал, а как верно симптомы китайской заразы описал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.